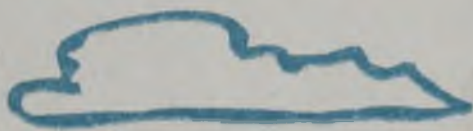

84 (2 Рос = Манс)

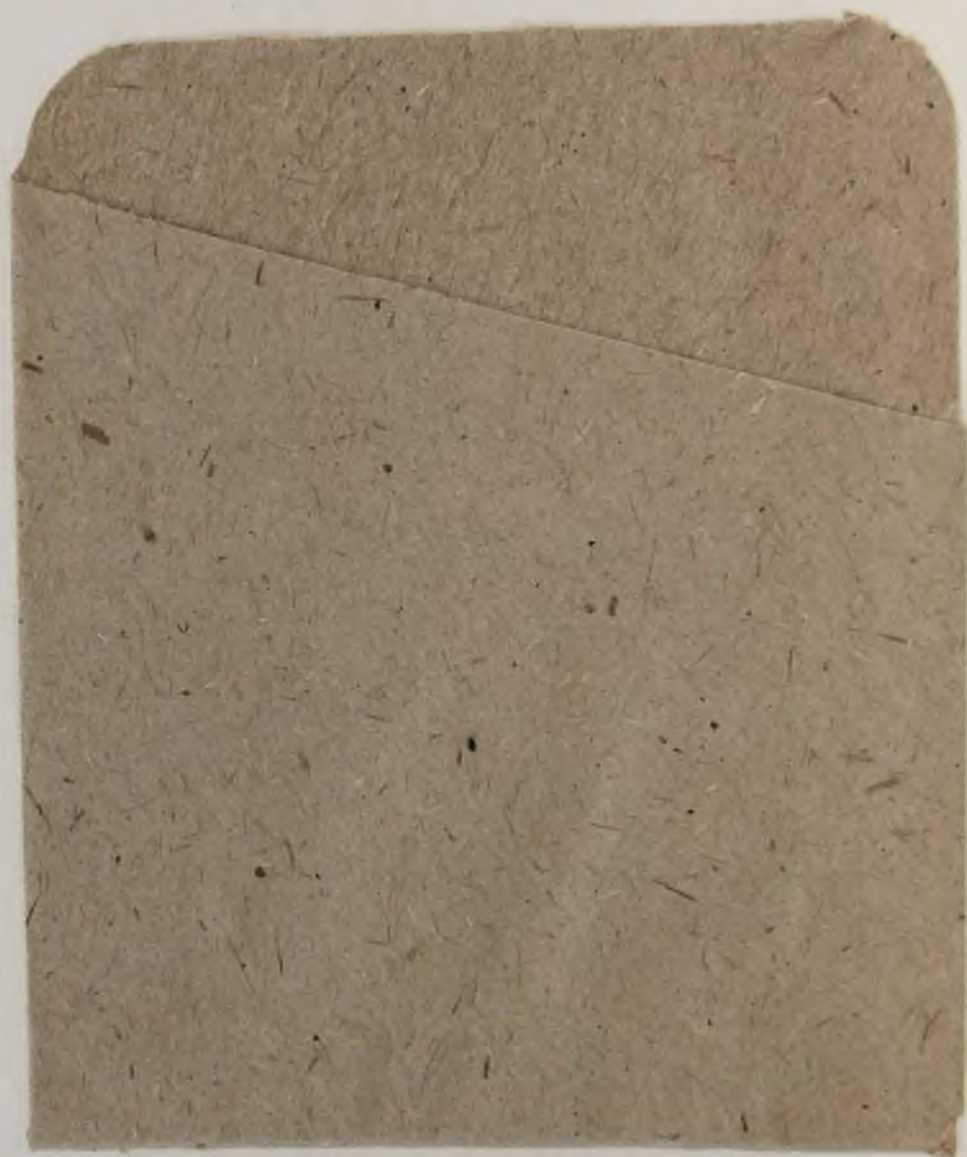
К Т 22

Андрей
Тарханов

ЗЕЛЕНЫЙ
ДОЖДЬ

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1975

Андрей
Тарханов

ЗЕЛЕНЫЙ ДОЖДЬ

Стихи

Р 2
Т 19

Краеведческое
ОСНД

«Зеленый дождь» — новая книга стихов мансийского поэта Андрея Тарханова.

Природа родного края, прошлое и настоящее своего народа — сквозная тема лирических раздумий поэта. В произведениях Андрея Тарханова ярко ощутима и слышна органическая связь судьбы Югорской земли с судьбами мира: его волнует все — и маленький кедрик на обрыве, и мысли космонавта, летящего в бездну Вселенной, и горести народа Чили.

181572 ЦХ

Ханты-Мансийская
окружная библиотека
Тюменской области

Т 0742—060
М 158(03) — 75

© Средне-Уральское
книжное издательство
1975

ЗОВ

Нуми-Торыма белая птица *
Сыплет звезды пушистые — снег.
И береза в окошко глядится,
Ей к лицу горностаевый мех.
Этим ликом разбуженный рано,
Загрустивший по новым вестям,
Распахну я оконную раму
Снегу первому, солнцу, ветрам.
В позабытом тревогами доме
Принимаю, как верных друзей,
Шепот — эхо уснувшего грома,
Шорох снега и зябких ветвей.
И опять я в плену у дороги,
Через душу проходит она,
От рожденья она, как берлога,
Смолью лиственниц напоена.

* Нуми-Торым — верховный бог манси. Белая птица — лебедь.

И опять открывать буду страны
Рек и кладов, бродя по лесам.
Счастье — это, наверное, тайны,
Что в пути открываются нам.

УТРО

В заснежье сказки пишутся ветвями.
С ресниц по-детски ахнувших берез
Рассвет, как веером, смахнул лучами —
В чащобы совы тишину унес.

И паром закурчавилась берлога,
И, тяжкую едва осилив лень,
Пригнул на лапе коготь лежебока,
Считая новый предвесенний день.

БЕРЕЗА И СТАРИК

Леониду Леонову

В два топора они ее рубили —
Старик и сын, плечистый, молодой.
И кольца годовые уходили,
Чтоб позабыть навеки возраст свой.
И на вершине звезды затухали,
А может, уносились ввысь они.
И опустил топор старик устало
И крикнул сыну: «...Отдохни!»
Они присели, жаркие, хмельные
От торопливой рубки, на бугор.
И в тишине, как пятаки литые,
Упали с веток капли на топор.
И борода качнулась беспокойно,
И будто что-то опалило грудь.
И, бликами восхода озаренный,
Поднялся, чтоб на дерево взглянуть.
Закинув руку левую за спину,
К глазам он руку правую поднес
И, будто чудо, увидел вершину
В сиянье улыбающихся звезд.
Глядел еще бы, да глаза слезились,
Спина заныла, и вздохнул старик.
Но навсегда отныне в сердце жили
И бездна неба, и березы лик.
И взял он непослушными руками
Топор тяжелый, что-то прощептав,

И снова опустил: перед глазами
Она стояла, небеса обняв.
— Устал, отец? — услышал голос сына.
Потом услышал стуки топора.
Подумал: «Сын... такой красивый, сильный...
А мне, наверно, помирать пора».
И гром по лесу — рухнула береза.
И будто отошел от сна старик.
Шагнул с бугра. В глазах стояли слезы,
И все качался тот зеленый лик.

* * *

Когда нас посещает озаренье —
Грозы далекой бьют колокола.
И кажется тогда мне на мгновенье,
Что это мама в детство позвала.

И мир иной встает перед глазами:
Конда́ следы целует на песке,
Мальчишку паруса околдовали,
Мальчишка держит радугу в руке.

Они плывут в объятия Тумана *,
Над ними ливней прошумевших зонт.
Не окликай в минуту эту, мама,
Я провожаю их за горизонт.

Они уплыли. Но по зову сердца
В колокола тугие бьет гроза.
И горизонт распахивает дверцы —
Плывут, плывут к мальчишке паруса.

* Т у м а н — озеро.

* * *

Мечта — стрела на гибком луке.
Мгновенье — и за облака
Лечу навстречу новой муке,
Еще неведомой пока.
Я в невесомом звездном царстве,
Заполонен восторгом весь.
— Волшебная Венера, здравствуй,
Я остаюсь навеки здесь.
Когда-то тут вольготно жили
Сказители легенд моих
И солнце за руку водили,
Как я вожу теперь за них.
Но отчего они не стали
В алмазном чуме проживать?
От красоты небес устали?
Богов наскучили слова?
Поступок их, признаться, странный...
Однажды сон приснился мне:
Кувшинка в заводи Тумана
И ты, бегущая к волне.
И так мне душу защемило,
Пугаюсь приоткрыть глаза.
И от земных нелегких былей
На щеки выпала роса.
И не жилец я звездный боле.
Мне землю надобно познать.
И вот уже в знакомом поле

Бегу березку обнимать.
Припав губами к травам колким,
Я чую в них чувала дым...
Зачем я шел дорогой долгой
И трудной
К истинам простым?..

ЗЕМЛЯК

Земляк мой,
Будто лиственень, рослый.
С лица задумчив и суров.
И вызвать земляка непросто
На речь исповедальных слов.
Я говорю с накалом вроде,
Слова —
Как льдины в ледоход.
Земляк мой мнется,
О погоде
Опять неспешно мысль ведет.
Тогда, поняв свою оплошку,
Я гору выдаю похвал.
И, как в таежную сторожку,
Ушел земляк мой —
Замолчал.
И я молчу.
Молчит дорога.
А солнце свой берет разбег.
Вот так с молчанья понемногу
Мне открывался человек.

МОНТАЖНИК

Люблю я снег под крышей веток,
Люблю, когда поет тайга.
Меня встречают на рассвете
Друзья походов — облака.

Я короную вышкой дебри,
Кольцую электростанцию,
И самый первый, самый первый
Я путь буровикам торю.

Меня Салым навек запомнит,
Я обошел все сто озер.
В мои горячие ладони
Вписал автограф Самотлор.

Люблю я снег с хвоей и пеплом
Ночного спутника — костра.
Меня встречают на рассвете
У неба самого ветра.

* * *

Поклоны бьет Конде качалка —
Колдунья нефтяной земли.
Сюда, к разбуженным причалам,
Геологи давно пришли.
И, ветеранов путь осилив,
Уйдя на поиски в урман,
Приходят парни из России
Туда, где первый бил фонтан.
Среди замерных установок —
Победных меток той весны —
Идет задумчиво геолог —
Он устает от тишины.
Спешит он в грохот буден рано,
За ним — как вехи на века —
Встают дозорные урмана —
Стальные вышки — к облакам.

ЧЕРНЫЙ БУБЕН

На сосне прибрежной Самотлора
Он висел, как желтая звезда.
Тайные вела с ним разговоры
Мутная зеленая вода.
И когда к нему сквозь топь и перех *
Люди синеглазые пришли,
В бубен громыхнул суровый берег,
Зарычали черные валы.
Стой, мгновенье! Этот полдень хмурый
Навсегда в историю войдет.
Оживают в недрах турбобуры,
Нефтьвышка первая встает.
Бьют фонтаны на лесном раздолье,
Гонит тьму сиянье буровых.
И шаманский бубен поневоле
Почернел от капель нефтяных.
Перед днем сегодняшним подсуден,
Грех его далекий не забыт,
Был однажды в непогоду бубен
С дерева волной девятой сбит.
Он на дне хранится, как в шкатулке.
Не придет к нему вовек рассвет.
Самотлор — мой бубен самый гулкий,
Черный бубен славы и легенд.

* П е р е х — так кондинские манси называют густой сосняк.

ПОСАДКА

Под нами выстлала морошка
Свои бордовые дорожки.
Они, конечно, не для нас,
Они тут для отвода глаз.
Они в соседстве с омутами,
Пусть менквы * тут садятся сами.
Семь великанов с буровой
И я — залетный гость восьмой —
Всё кружим, кружим над водой.
Совиные глаза МИ-6
Высматривают, где бы сесть.
Но что-то нет в болоте точки —
Удобной для посадки кочки.
Не сесть же нам на плечи вышке?
Нам машут с буровой, мы слышим
Чутьем: площадки нынче нет,
Ее накрыл водой рассвет.
Но кто-то там уж догадался —
Шест над водой заколыхался.
Пилот, отчаянный и хваткий,
Кричит: «Ребята, все в порядке!»
Любя капризную природу,
Мы осторожно сели в воду.

* Менкв (манс.) — злой лесной дух.

181572

Ханты-Мансийская
ооруннаа библиотека
Тюменской области

РЫБАК

Песчаная отмель.
Бурый
Невод устало спит.
Глаза молодые щуря,
Рыбак у реки стоит.
Стоит коренастый, крепкий.
В осиновке камка *, сеть.
Ему до протоки-ветки
Сейчас по волнам лететь.
Курчавятся кудри ивы,
Упал на луга туман.
Сегодня денек счастливый,
Над плесами чаек гам.
И солнце с веслом упали
В реку, не коснувшись дна.
В богатые рыбой дали
Ушла с рыбаком волна.

* Камка (манс.) — ловушка.

СХВАТКА

Четыре дня бутон пожара
Над лесом яростно цветет.
И ветер, пьяный от угара,
Медведем раненым ревет.
Мы ждем его на поединок
В борине между двух болот.
Сюда таежною долиной
Он торжествующе идет.
Сначала воздухом палящим
Ожег он, словно кипятком.
Потом ударил в нас из чащи
Деревьев падающих гром.
От пепла страшные, седые,
Мы встали на пути огня.
Тогда на тропы верховые
Он вышел, языком дразня.
И стала в небе сила смерча
Веревки огненные вить.
И поняли мы: надо встречным
Огнем
 огонь остановить.
Круша смолевые лесины,
Огонь торопится к огню.
Они сошлись в огне борины,
Чтоб злобу выместить свою.
Тут даже тучи побелели.
От визга вздрогнула земля.

Наверно, тут живьем горели
Стада несметные зверья.
Но опрокинулся в болото
Огонь коварный, верховой...
Не гасни только ты, забота,
О лесе, небе надо мной.

* * *

Шиповник рдеет на откосе,
Скликают стаи вожаки.
И призадумались покосы,
Слагая грустные стихи.

Я этой тихой грусти края —
Товарищ верный и судья.
Я здесь тропинку оставляю
И чувства лучшие, друзья.

А что я унесу любимой?
Таежных речек серебро?
Вечерней стаи журавлиной
Подарок — жаркое перо?

И в голос говорят рябины:
— Не огорчайся на житье,
Ведь это золото долины
Отныне навсегда твое.

* * *

Огневая осень,
Я твой брат и друг.
Сердце с детства носит
Листопады вьюг.
Я пришел не сразу
В нынешний свой день.
Я, как лучник, мазал
Тропами в мишень.
В винах черпал радость,
Говорил: «Живу!..»
Ошибался, падал
Селезнем в траву.
Воскресал, как в сказке
Мадур * во бору,
От пожатья братских
И приветных рук.
Вдохновенный, снова
В дали уходил.
Радужное слово
В думах закалил.
И пожар осенний
С той поры в груди.
От самосожженья
Сердцу не уйти.

* М а д у р (*манс.*) — богатырь.

РЯБИНА

Огонь осеннего пожара
Упал к ее босым ногам.
Платком бордовым с крутояра
Рябина машет парусам.
Она стоит у самой кромки,
Внизу сердитая волна.
И голос у рябины ломкий,
Как ветка ломкая сама.
Какая благостная сила,
Какой отчаянный порыв
Рябине гордой подарили
Ветрами меченный обрыв!
Спешат к рябине издалека,
По гребням яростных валов,
Все беспокойные дороги
Поющих бурю парусов.

ПОДОРОЖНИК

Он пришел к нам из сумрака ночи.
Как ребенок, с восторгом глядит.
А вокруг в многоярусной роще
Мир зеленый поет и звенит.
Освежит его радостным солнцем.
Будет ранен стрелой громовой.
Но родник с белоснежного солнца
Окропит его раны водой.
Он стоит у дороги таежной.
...Он, как путник, сегодня устал.
Неприметный цветок подорожник,
Мир с тобой удивительней стал.

ЗОЛОТОЙ ПАДУН *

В золотом падуне листопадная вьюга гуляет,
В золотом падуне радость с грустью в измену играет.
И глаза твои смотрят в меня сквозь деревьев
просветы,
В них такое лукавое жаркое светится лето.

В золотом падуне блики осени, будто котят.
Рыжим пламенем их согреваться, наверно, не надо.
Ведь, родная, не раз мы обмануты были с тобою
Листопадом страстей вихревой листопадной порою.

В золотом падуне вдруг теряются трезвые мысли,
В небе алые кружатся, кружатся, кружатся листья.
В золотом падуне кто-то плачет и кто-то смеется,
И счастливый никак в золотом падуне не найдется.

* П а д у н (манс.) — лесной увал.

* * *

Как ерши, оцетинились пади
Буреломом и тайнами дня.
Исцеленья душевного ради
Отправляюсь за тайнами я.
И когда загремит, загрохочет
Небосвод от метаний огня —
Гром, как прежде язычника,
Хочет
На колени поставить меня.
Руки ослабевают от дрожи,
В них проснулись инстинкты веков.
И тревожит, тревожит, тревожит
Сила грозно гудящих стволов.
Я похож на пришельца из сказки:
Связан страхом, как путами, я.
Но мой нынешний разум бунтарский
На дорогу выводит меня.
И от туч не тая удивленья,
Гром своих распрягает коней.
Здравствуй, чудо второго рожденья
И души и дороги моей!

В ПУТИ

Сентябрь пламенеет в затоне.
На трассах хрустящих дорог
Мне сыплет и сыплет в ладони
Листвы золотой холодок.
И рыба резвится и бойко
Выпрыгивает из воды..
И лес нижевартовским стройкам
На север уносят плоты.
Я слушаю птиц перелетных,
И сердце за ними летит —
То чувство знакомой работы
Сулит мне удачи в пути.

ВЕРСТОВЫЕ СТОЛБЫ

Мне трудно, горизонт далек.
Но с каждым шагом больше силы.
Немые спутники дорог,
Скажите, что вы затаили?
Ведь люди много говорят
В уме тайком,
Забиться чтобы...
На вас лежит любимой взгляд,
И чья-то грусть, и чья-то злоба.
У вас и силу, и покой
Таежная отыщет птица,
На вас осеннею порой
Присядут журавли проститься...
Я молчаливый ваш рассказ
В себе, как в зеркале, читаю,
И озаренье грустных глаз
Я вам на память оставляю.

* * *

За первый дымок —
За первый костер на снегу
Не выпить в походе
Никак не могу.

А в первом бокале
Апрельских лучей невода.
Корнями морошки
Пропахла в болоте вода.

Второй мой бокал —
Синева в нем озер и хвоя.
Качается небо,
Вот-вот упадет на меня.

И третий бокал —
Сок березовый —
Я берегу.
Так пью я в походе —
Иначе никак не могу.

А. Немтушкину

О как дорожу я мгновеньем,
Когда на развилку дорог
Слетает с березы осенней
Звездой опаленный листок.

Я знаю: любой бедолага,
Махнувший на отчий порог,
Посмотрит сегодня со страхом
На этот волшебный листок.

Карающим кажется ныне
Ему принахмуренный бор.
К ответу обидчика-сына,
Природа, верши приговор!

Но теплого ветра порывы
Ему, как живая вода.
И наш бедолага счастливый
Бредет неизвестно куда.

Мы с ним поболтаем за чаем
До поздней побудки ветвей.
Как брата его привечаю —
Поэта дороги своей.

* * *

В твоём окне герань горит.
И отчуждением грозит
Твой взгляд.
Ты, как чужая птица,
Что на восходе улетит.
Разлуки имя не нашла,
Боишься ты самой себя.
Ты помни,
Что не верю я
В безмолвие, где есть душа.
Беспечности не верю внешней,
Тревоги голос слышу твой:
Ты оставляешь сиротой
Свое дитя родное — нежность.

ЦВЕТЫ

Ах, какие цветы у тебя в огороде!
Залюбуется ими прохожий любой.
Приоделся по летней чарующей моде
Конопатый волшебник, желтун-зверобой.
А в анютиных глазках семь радуг сияет,
Настроение каждой сумей улови:
То гроза вдруг зеленая запылывает,
То оранжево вспыхнут слова о любви.
У купены цветов так рассыпчаты звоны!
Подойдешь — и затихнут они до поры.
И не знают саранки капризного тона,
Греют сердце, как путников ночью костры.
Входишь ты в огород как хозяйка восхода.
Как цветы от росы на заре хороши!
Праздник красок живых твоего огорода
Как целебный настой и любовь для души.

* * *

Если сердце обидою ранено,
Если песня взята на аркан,
Ухожу я в поля безымянные,
Ухожу я к ветрам и цветам.
Там рождаются новые радуги,
Там до неба стоит аромат.
И цветы, вдохновением радуя,
Мне бессмертную силу дарят.
Боль моя добротою потушена,
Но рубцы не стереть и не смыть.
Жить тревожно, светло и возвышенно —
Значит с сердцем израненным жить.

* * *

Ловлю губами ветер свежий,
Волненье чувствую земли.
И снова с трудною надеждой
Я жду вас, лебеди мои.

О как я верю в это чудо!
Взмахнут миллионы ваших крыл —
Помолодеют сердцем люди,
И сгинет тот,
Кто злобой жил...

Пусть трудно в дали мне глядится
Порой у верного весла.
Но открывают мне ресницы
Утрами белых два крыла.

* * *

Я годовое выписал кольцо —
Свою тамгу на пне морозном.
Мне не забыть счастливое лицо
И лес в тумане папиросном —
Мороз тут часто курит поутру — то не
Качанье елей в дымчатом бору,
И шепот твой: «Танцуют ели»,
И санквалтап * лесной метели.

* С а н к в а л т а п — мансийский музыкальный
инструмент.

* * *

Тайну упавшего дерева,
Как она ни далека,
Трепетно чувствую нервами.
Тают от взгляда снега.
И поднимаются рыжие
Ветви священной сосны.
Бусы,
Как росы застывшие,
В крону ее вплетены.
Машет туман мне косынкою.
Тайны чтоб стали видны,
Стану в бору невидимкою
Я в стороне от сосны.
Кто там идет так с опаскою?
Чьи так знакомы черты?
И вырывается ласково:
— Бабушка, милая, ты?!
Птицей упала подраненной
Ты перед красной сосной.
Крикнул я в дали отчаянно.
Смех прошумел надо мной
Веток священного дерева,
Бабушки стоны слышны.
Годы искала доверия
Ты у жестокой сосны.
И меховую одеждую
Ты одаряла ее.

Снова уходишь с надеждою
В чум — жердяное жильё.
Он окольцован поверьями,
Ждет он удач от сосны...
Взглядом роняю я дерево
В зыбкие воды весны.
После студеными перьями
Тайну закроют снега.
Тайну я чувствую нервами,
Как она ни далека.

СОН

О звериная зоркость и чуткость моя!
Через эти леса и завалы веков
Вижу я, как погоню,
Ночь ножа и костров.

Я тушу свой костер, страх сильнее огня
Сотни бубнов рыдают в долине лесной,
Орды гуннов охотятся нынче за мной.

Мне бы щукой проворной в протоку уйти,
Но не хочет того мой безжалостный сон,
Буду, видно, раздавлен храпящим конем.

Вдруг, как молния, мысль озарила меня:
Я же родич пришельцам, когда-то давно
Были с гуннами предки мои заодно.

— Пася олэн! * — кричу я навстречу орде.
Будто гром загремел над долиной: «На Рим
Мы сегодня с тобою поход повторим!»

Всюду злобные лица и пьяный оскал.
Хмеля полную чашу неловко беру,
Я о клятве о мирной забыл на пиру.

* П а с я о л э н (манс.) — здравствуй.

И наавтра с жестокой и дикой ордой
Я в чужие края полетел на разбой...

Сон, как снежное кружево, стоял, утих.
Но о нем написал я для памяти стих:
Где-то эхо живет дикой той старины.
Мне ж походы разбоя вовек не нужны.

СОБОЛИНАЯ СТРАНА

Народ мой веками в урмане
Выслеживал звездных зверей.
И в город Петра без охраны
Возами везли соболей.
Везли на торговые схватки,
Везли для бояр и гусар.
И в шубе собольей и шапке
На троне сидел государь.
И слышу — таежник на воле —
Я девушек радостный смех,
На белые плечи тяжелый
Прилег замороженно мех.
И Пушкин — поэт величавый —
Соболий носил воротник...
Охотников трудную славу
Я сам на дорогах постиг.
Мне дороги предков заветы.
Тайга соболями красна.
В собольи одежды одета,
Стоит всем на диво страна.

МАСКА ЯЗЫЧНИКА

Пляшет маска,

Пляшет Яска.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Яска пляшет и поет,

Заклинание кладет

На озера, на деревья,

Как вода, нужны поверья.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Где б я на рыбалке ни был,

Будь всегда спокойным, небо.

Заходите в мой провязь,

Нельма, стерлядь и карась.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Пляшет Яска на поляне,

Пляшет утром рано-рано.

Корявые сучья завидуют маске,

А звери и птицы завидуют пляске.

Ой, страшная маска командует Яской!

Зачем семь рогов у нее из лосины?

— Они для удачи,— вам скажут осины.

Глаза ее совы мерцающе светят.

— Знак мудрости это,— вам кедров ответят.

Оскалом зубов ее рот не сверкает.

Зачем зря смеяться? Кто это не знает?

В оранжевых дугах, зеленых обводах
Она почему? Вам расскажут в народе:

Не дуги — стоцветные радуги это.

Зеленый обвод — комариное лето.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Пляшет, пляшет бойко маска —

И молва тайги, и сказка.

В сердце дива не таю,

Вместе с маской вам дарю.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

ГРУСТНЫЕ КОНИ

Грустные кони,
Грустные кони
Спят на лугу.
Их от погони,
Их от погони
Я стерегу.

Травы притихли,
Травы притихли,
Гривы обняв.
И даже филин,
И даже филин
Спит без огня.

К нам из-за леса,
К нам из-за леса
Грохот идет.
Грохот железа,
Грохот железа
Дымом встает.

Но, как бывало,
В бедах удалый
Клич не забыт.
Луг закачала,
Луг закачала
Буря копыт.

Там от погони,
Там от погони
Зори горят.
Грустные кони,
Грустные кони
В дали летят.

АХ

Июнь черемухой пропах
От губ моих до Веги.
И речка по названью Ах
Смежить не смеет веки.
Ах, что у ней за берега!
Июнь.
А тут, смотрите,
Кругом снега,
Кругом снега,
Любите их, любите.
От аромата тех цветов
Пьянеют звери, птицы.
Природы в нем и страсть, и зов,
И таинство зарницы.
Тут с тысяч губ слетело «ах!» —
Людских, звериных, птичьих.
Живу твоим восторгом, Ах,
И с ним — не разлучиться.

* * *

В июле дождь идет зеленый
С кедровых зреющих ветвей,
Как песни из души моей.
Я верен им, таежным былям,
Как нож охотничий творцу,
Я верен им, как сын отцу.

* * *

Стою в долине луговой,
Стою в цветах и радугах
И вижу — на Земле родной
Все люди стали братьями.
И стали праздничны слова,
И люди всем любуются,
И от земного торжества
И плачут, и целуются.
Я так ушел в мечту свою,
Что сам, того не ведая,
Над лугом счастливо пою
От грома от победного.
И обнимаюсь с лугом я,
Как весны с белой вербою,
И для сердечного огня
Я пламя Солнца черпаю.
Порой грозит Земле беда
Войною и распятием.
Но вижу, вижу день,
Когда
Все люди станут братьями.

ПИСЬМО В СИБИРЬ

Андрей, ты, который сидишь в заснеженной деревянной избушке далекого северного города и пишешь или созерцаешь, а кружевной блеск манит тебя сквозь ледяные узоры на окне твоём по снежному пути — видишь ли из золотисто-узорчатого своего окна странников пустынь, воющих под снежной вьюгой, которые ищут свое прошлое и будущее в недостижимых далях и падают перед чужим порогом, когда все их надежды тают?..

Друг наш, поэт, кого я давно не видела: ты певец тихих песен, настоящий европеец и азиат, с маленькими, прищуренными вогульскими глазами, родившийся в рабочем поселке для благоговейных ночей, для звенящих волшебных утр, ты, убежавший от пламени костра, поплативший всецело родной поселок тогда, когда жизнь была в дыму, когда улетели и птицы — остались там только обугленные ветки деревьев, как идолы, осталась только хижина жрецов-волшебников из сказочного мира твоего детства — сейчас, когда ветры разнесли и ее стены, как носишь на хрупких своих плечах уцелевший миг древней мечты, доверие, унижение, воспоминание, надежду, волю, которые крепят тяжесть тысячелетий?..

Приходилось ли тебе видеть с тех пор масляно-коричневые воды Оби там, где она сливается с золотисто-сияющим Иртышом?

Была ночь, я стояла на корабле рядом с тобой и мы чуть слышно пели, а убегающие берега вздыхали так, как отшумевшая жизнь, как невозвратно улетевший миг, пусть даже самый красивый, который должен бы быть вечным...

Кто проходит над нефтяными морями и чувствует своими ступнями и сердцем своим пульс нефтяных жил этой строгой земли?

Кто тот, который достает сокровища из-под корней деревьев в тайге, чтобы дни стали светлее, чтобы спасти людей от холода, спасти народы от обреченности, чтобы они стали смелее перед своим родом!

Андрей! Человек, улыбающийся в бурях, в поединке огня и льда — кроток и мудр, — ты никогда не покидал очищенного болью своего народа, придешь ли ты когда-нибудь к нам в птичий рай, принесешь ли нам мечтающие в снегах леса, мерзнувшие на холоде бледно кудрявые узоры, веселые болотные ягоды, прекрасную повесть о возобновившейся человеческой жизни?

ОТВЕТ В ВЕНГРИЮ

*Анне Беде —
венгерской поэтессе*

И прочел я письмо твое, Анна,
Не письмо — я поэму прочел.
И обиженных дней моих рана
Распалилась опять горячо.
Тайну рода сегодня открою —
Все кричит тот осипший пожар —
И веду я тебя за собою
В семиногий шайтанский амбар.
Увожу я в священный кедровник,
Тут родился под кронами я,
Будто рыбу со дна,
Солнца тóни
Поднимали на кедры меня.
Чтоб природу зазря не обидел,
Чтоб запреты нарушить не смел,
Почерневший от времени идол
Для меня тут хранил самострел.
Всюду тайны, и тайны, и тайны,
И какие найти к ним слова?
Потому мы и были печальны,
Были мы, как легенда-молва.
Годы, жизни лучи и подарки,
Гасли вы, как чувал, на беду...
Я веду тебя, Анна мадьярка,
Я дорогою пепла веду.

Слышу крик улетевшего следа,
Вижу нарты на Млечном Пути...
Лет минувших жестокая мета,
Как осколок, все ноет в груди.
Мы идем, где под кедрами тайна
Хочет в небо подняться огнем.
Край родной, синеглазая Анна,
Как живую водой исцелен.
Где рычали болота и вьюга,
Там арканы дорог пролегли.
К нашим тайнам
Мы с помощью друга
И слова, и улыбку нащли.

* * *

*Памяти космонавтов
Добровольского,
Волкова, Пацаева*

Трубят над милым краем трубачи,
Перо у них прилажено к перу.
Я пью в тайге студеные ключи.
Я силы для полета наберу.
Над краем полечу я высоко —
Над радостями, бедами лесов.
И гром и дождь зеленый для него
Я выпрошу у знойных облаков.
Я улечу в объяття бурь и звезд.
И сбив крылом последнюю беду,
Я, поседевший от жестоких гроз,
На землю с гордой песней упаду.

КУПОЛА ТОВОЛЬСКА

*Остану Шрубю,
художнику*

Купола.

Как тот звонарь безвестный,
Я пред ними замер не дыша.
В них истории гнездятся вести,
В них мятежных россиян душа.
И какая сила, добры люди,
Вас сюда на исповедь вела?
Соловей Алябьева повсюду
Славит ваше диво, купола.
И гремят по облакам копыта
Горбунка, волшебного конька.
По дороге, грозами омытой,
Он летит на зов тоболяка.
И пророчит нам победный поиск
Сказочника радуга-строка.
Купола волшебные Тобольска
В небесах плывут,
Плывут века.

РЕРИХ

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил.
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Молчанье тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
На огненный закат глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.

И снова горы, горы, горы
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
С полей приветы принесли?..

ВОРОН

Цветут таежные озера,
Им разве тайну утаить?
Цветет вода. И старый ворон
Не смеет и глоток испить.
Не зная от рожденья лени,
Осколки туч тая в глазах,
Он триста лет имел терпенье
Сулить другим беду и страх.
Сегодня, чувствуя кончину,
Он, к удивлению, прозрел.
И как впервые на рябину,
На луг, на облака глядел.
За песню принял в синей гуще
Кедровой

птиц тревожный гвалт.
И воду он признал цветущей,
И удивился,
И упал.

СЫН БАКЕНЩИКА

Стоит на обрыве высоком —
Над Обью молочною — дом.
Хозяин, сутулый и строгий,
Живет тут с сынишкой вдвоем.
Он сам уже стар, как сухара *.
Далеко удалые дни.
И бакены ставят на пару,
И вместе рыбачат они.
И в ведро, и в час непогоды
Видать паренька у реки.
Плывут и плывут пароходы,
Ведут разговоры гудки.
А самый красивый однажды
Причалил к крутым берегам,
Веселый и чуточку важный
На берег сошел капитан.
И старый отец, как родного,
Обнял его, к сердцу прижал...
На кромке обрыва крутого
Восторженно мальчик мечтал.
И вправду из дымки тумана
Выходит большой пароход.
От взмаха руки капитана
Гудок над обрывом поет.

* Сухара (манс.) — высохшее на корню дерево.

Он, как от победы, ликует —
Певучий и долгий гудок.
Кому это он салютует?
Земле и тебе, паренек.

ГОЛОС СТАДИОНА

*Столичный стадион в Сантьяго
превращен в концентрационный
лагерь...*

Из газет

Мне больно.
Проволокой жгучей
Меня опутали враги.
Как у тебя, товарищ Лучо,
Мои заснежены виски.
Страшнее не придумать муки —
День каждый на моих глазах
Друзьям заламывают руки
И люто мучают во рвах.

Сегодня я не стадион,
Сегодня я — и гнев, и стон.
Жжет пиночетовская плаха.
Но Педро, Августо, Равас...
Я горд, что я не вижу страха
В глазах страдальческих у вас.

Надежды пламя не угасло,
Оно в тебе,

оно во мне.

И прорастают строки Пабло
В сердцах, как травы по весне.
Сегодня я не стадион,

Я бури зреющей — огонь...
И не сомкнуть мне глаз усталых —
Друзей уводят на расстрел...
Но вижу стяг свободы алой
Над Ла Монеда на заре.

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Поэма

*Космонавтам мира
посвящаю*

Глава I

Решимость

Бунтуй, великий океан, бунтуй!
Не два материка, два мира ты
Века ласкаешь грозными валами.
И меж двумя враждебными мирами
Я на ветру живу — листок природы.
Я, буревестники и альбатросы,
И стрелами наполненные грозы.

В легендах древних, как земля мансийцев,
Бессмертны строки вот об этих грозах:
Весна берет колчаны золотые,
Лежат в колчанах стрелы громовые,
И с первым громом,
Празднующим правду,
Те рушатся деревья,
Что ветвями
Людей жестоких в бурю укрывали.

Те грозы справедливые со мной.
Бунтуй, великий океан, бунтуй!

Моя решимость бьется, будто птица,
Она — Клааса пепел —
В грудь стучится.
Сомненья прочь!
Скорей в дорогу, сердце!
Я выбираю тяжкий путь боренья,
Я чувств хочу достигнуть вознесенья.

Икар я беспокойного столетья,
Столетия радостных надежд народов.
Мне крылья для полета чувства дали,
Мне досягаемы любые дали.
Прозренье, здравствуй!
Я ценю минуту.
Я улетел.
Ступил я на каменья
Оранжевого острова спасенья.
Я этот остров мысленно увидел

В картинах страстных Пабло Пикассо,
Увидел остров в час исповедальный,
Я улетел на остров дальний-дальний.
Гремит моя мотыга неустанно.
Я в сад зеленый превращу каменья
Оранжевого острова спасенья.

Ночами из-за горизонта пламя
Зловеще дышит в звездное пространство.
Идет война.
Больной атолл Бикини,

Твоя судьба иной будет отныне,
Коль хватит сил в моих руках и сердце
В цветы, в деревья обратить камень
Оранжевого острова спасенья.

Гремит мотыга.
Слушают дельфины
И грозы, приутихшие до срока,
Мотыги звон.
И, позабыв о страхе,
Плывут на звон с атоллов черепахи,
И кружат альбатросы надо мною,
Взволнованно, как будто есть душа,
Вздыхают волны, гальку вороша.

Гремит мотыга.
В шрамах все лицо.
О, черт возьми, как больно бьют осколки!
Но прорастает за ростком росток,
Где капля крови пала на песок.

Гремит мотыга.
Ветер раны лижет
Шершавым и прохладным языком.
Я вновь зеленым становлюсь листом.
Я воду пью из клювов альбатросов,
Дельфины живность на берег кидают...
Гремит мотыга.
Островом спасенья
Я назову свой остров в день цветенья.

Гремит мотыга.
Дождь осколков льется.
Но боли и мучений всех сильнеей
Моя мечта о братстве всех людей.

Когда герой мансийских сказок Ваза
Был ростом с годовалого оленя,
Когда войны кричащий дым ни разу
Не ослеплял и не душил селений,
Как мак полярный, расцветали мысли
Доверия и братства в сердце каждом.
Мы из пеленок их для жизни вышли,
За них мы — в наступленье ежечасном.
И где бы ты, мой друг, товарищ, ни был,
Неси ты мысли братства — наше знамя.
И новую звезду откроешь в небе,
И солнечными станешь ты лучами.

Глава II

Дорога к звездам

На Земле восторгов буря,
Праздник на Земле у всех:
В космосе Гагарин Юрий —
Бог и просто человек.
Ветвь березы он целует,
Чувству грусти удивлен.
Землю грешную, родную,

Как с ладони, видит он —
Зори, радуги и ночи.
Наяву, но как во сне,
Видит крохотную точку —
Свой скворечник на сосне.
Видит он моря и страны.
И планета лишь ему,
Как на исповеди,
Тайны
Открывает одному.

Летит корабль. Тело невесомо.
Весомо сердце: боль видна Земли.
О если б в этот час в России, дома,
О муках сына люди знать могли!

Над обугленную пальмой
Плачет черная заря.
В адском пламени напалма
Дети, женщины горят.
Хохоча, каратель пьяный —
Сердце, биться погоди —
У седого партизана
Режет звезды на груди.

У девчонки от приклада
Звезды синие умрут.
И народы —
Брат на брата, —
Как враги, в штыки идут...

Себя Гагарин в эти вот мгновенья
Назвал, земляне, островом спасенья.

И не ради славы, денег
Олдрин, Коллинз и Армстронг —
Каждый был спасенья берег —
К лунным камням,
К лунным тайнам
Их корабль пробиться смог.
Как Земля, глазам открыта —
Станет чем для нас она?
Будто бомбами изрыта
Эта мертвая Луна.
Обрастают мили думой,
И не дни — летят года.
Над равниною угрюмой
Запоет скворец когда?

И когда у этих черных
И обугленных холмов
Вспыхнут реки и озера
От оранжевых цветов?..
И сказали три героя,
Глядя на мою страну:
— Бухтой Мирного прибоя
Называем мы Луну.
И светло, и вдохновенно
Говорит моя страна:
— Станет островом спасенья
Эта черная Луна.

Глава III

Голос природы

Природы голос жив в любом из нас.
С побегов, что проклюнулись, как мысли,
Ты не спускаешь удивленных глаз,
Зеленых глаз, сродни которым листья.

Когда Гагарин ветку целовал,
Когда ласкал Леонов звездный иней,
Природы голос в них тогда звучал,
Как материнский голос незабывный.

Когда поэт прославленный упал
У Черной речки, ставшей всем известной,
Он по-сыновьи снег поцеловал —
Любимую строку из русских песен.

...Когда мне было больно от обид,
Я уходил к своим знакомым кедром,
Я уходил к задумчивой Оби,
Я жаловался бедолаге-ветру.

Я слушал песню величавых крон —
Целебную и знойную, как сон.
И будто вновь на свет рождался я,
Приветствовал я сложность бытия.
Когда в душе жестокость находил,
Природой я себя в тот миг лечил.

Иду в пахучий сумрак снега,
Поляны ранние в цвету.
И клетки малой человека
В себе я нынче не найду.
Я стану веткой, на которой
Снегирь, как язычок огня.
Я стану жарким сердцем бора,
Посланник завтрашнего дня.
Голубоватый сумрак снега
Растаял у меня в зрачках.
И снова стал я человеком,
Но только с зорями в глазах.

Глава IV .

Остров спасения

Лучами-ожерельями восход
Окинул поседелый океан.
И отступили за атоллы тучи,
И остров обозначился цветущий,
Как в жаркий день среди песков оазис.
Я этот остров, люди, вам дарю.
Попутный ветер грозы шлют мои.
В честь страждущих о ближнем,
Как о брате,
Гремят громов веселые раскаты.
Прибой звенит, как санквалтап мансийца,
Он славит долгожданный день рожденья
Оранжевого острова спасенья.
Сурово волны остров стерегут,

И не проникнуть злу сюда вовек.
Душевное найдете исцеленье
Вы, павшие в объятия сомнений.
Мечтатели двадцатого столетья,
Мы ошибались,
Но ни в чем не лгали,
Мы истинам высоким присягали,
И острова спасенья открывали.
Есть острова спасенья в мире, люди.
Но вся Земля когда спасеньем будет?!

СЕРЕБРЯНАЯ ПЕСНЯ ГЛУХАРЯ

*Стихи
для детей*

* * *

На озере Мойпыр* заря
Давно, как легенда, ночует.
Там воды ночами горят,
Там филин на ветке танцует.

Живет там в избушке медведь —
Хозяин и сторож простора.
Из бисера синего сеть
Он ставит вдоль озера-бона.

Потом он разводит костер
На острове, яркий и знойный...
Заря опускается в бор,
А после — в покатые волны.

И к гостье на угли-пески
Из омута зыбкого ила

* М о й п ы р (хант.) — медведь.

Плывут и плывут караси,
Заря их позолотила.
Из озера Мойпыр встает
Заря в рыжеватом тумане,
И голосом птичьим поет,
Бора оживают в урмане.

ГЛУХАРЬ

Малиновые брови глухаря
Годами красила лучом заря.
Ночь августовская ему дала
Два черных, вороненых два крыла.
Чтоб было чем-то отпугнуть мороз,
Сентябрь дал ему роскошный хвост.
И оперенье глухаря ветра
Ласкают, холят с ночи до утра.
Готовят на обед ему бора
Бруснику и песок из серебра.
И воду он серебряную пьет,
И вдохновенно по утрам поет.

РЫЖАЯ РЯБИНКА

Сыну Иле

Анива с корзинкой
Пошла за рябинкой.
На склоне увала
Лису повстречала.

— Анива, Анива,
Ах, как ты красива!
Глаза-голубики,
Коса-повилики.

Зачем же с корзинкой
Идешь за рябинкой?
Рябинку я ела
И вот... порыжела.

Тебя я жалею.
— Я, я порыжею?
Качается ива:
— Не бойся, Анива.

Бери-ка в корзинку
Для братьев рябинку.
Как малицы лисьи,
Горят всюду кисти.
Берет их Анива,
Берет торопливо.

Ждут дома два брата,
И девочка рада,
Что вкусной рябинки
Им даст из корзинки.
Аниву встречали
Илюша и Вали.
Рябинку всю съели
И... не порыжели.

ВОЛШЕБСТВО

Хрустальные стелет дороги
Хрустальный волшебник мороз.
И кедр у белой протоки
Хрустальной куделей оброс.

И в небе повиснул хрустальный,
Похожий на радугу мост.
И соболь задумчив от тайны
Хрустальных на солнце берез.

* * *

Погода балует нас в марте
Слепительною синевою.
Березы скидывают парки *,
И наст ломается тугой.
И уж иного платья просит
Шиповник под моим окном.
И в небе вызревают росы,
Чтоб завтра первым стать дождем.

* Парка — верхняя меховая одежда манси.

ПЕРВЫЙ РУЧЕЙ

Скажи нам, первый ручеек,
Твой путь, наверно, был далек?

Вы правы, юные друзья,
Я к вам бежал четыре дня.

Я на бугре родился жарком,
Тридцатого, как помню, марта.

А тридцать первого, друзья,
В плену мороз держал меня.

Но обхитрить его я смог,
По капле я скатился в лог

И побежал. Уж был апрель,
И воробей хвалил капель.

Сейчас четвертое число,
Я вам принес весны тепло.

ГРИБНАЯ ТАЙГА

Пропах грибами каждый куст.
Под запашистой елью
Отлит из солнца желтый груздь,
Чуток поперчен прелью.
Волнушка издали видна —
Красавица с пеленок, —
Она всегда окружена
Гурьбой своих сестренок.
И роца белая зовет,
У ней свои подарки:
Тут подберезовик растет,
Лисичка в шапке яркой.
От них приходим мы в восторг,
Мы все сегодня — дети.
Нарядный хитрый мухомор
Сердит на чувства эти.
Идем, как в сказку, по грибы,
Идем тропинкой узкой.
И не устанем от ходьбы
Грибной тайгой июльской.

СТАРЫЙ КЕДР

Горбится кедр
Над сонной водой,
В омут глубокий
Уйдя бородой.
Ею играет
Тихоня карась.
Кедр бородою
Мотает, сердясь.
Только не в силах
Он рыбу унять,
Бороду грозно
И важно поднять.
Так и висит он
Над тихой водой —
Жилистый старец
С седой бородой.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Ели, зеленые ели
После грозы присмирели.
Робко с коричневых шишек
Падают капли на крышу,
Падают, тихо смеются,
В травы пахучие льются.
Капли с густой синевою
Ловит мальчишка рукою,
Шлет их за новой грозью.

ЁРА И КЕДРИК

Поэма

Глава

Посреди забытых мест,
На сыпучей круче,
Кедрик родился на свет,
Будто еж колючий.
Осмотрелся малышок
На ветру погожем —
Так ступает на порог,
В дом входя, прохожий.
Оглядит сначала гость
С робостью хозяев:
Не ко времени, небось,
Он явился к чаю.
Робко Кедрик вниз взглянул,
Ахнул от испуга:
— Как один я на яру
Проживу без друга?!
А волна в реке ревет,
Скалит зубы, злая.
Будто рысь, обрыв грызет,
Кедрик съест желая.
И далеко бор стоит,
Хвойный бор могучий.
Даже ворон не кричит
Над сыпучей кручей.
Кедрик шепчет: «Нелегко

Жить под громом-крышей».
И не знает, что его
Мальчик Ёра ищет.

II глава

Доброе сердце у Ёры, ребята.
Всех от беды уберечь ему надо.
Шел он сегодня березовой рощей,
Голос вороны услышал истошный.
Ёра бежит что есть силы туда:
Выпал, наверно, птенец из гнезда.
Вот он, крикливый и черный бедняжка,
Гордо глазенки на Ёру таращит,
Громко вопит, будто в роще пожар:
— Ёра, летать научился я, ка-р-р!
Крыльями шумно взмахнул постреленок,
И полетел, полетел вороненок.
Ёра вслед ему машет рукой,
Ёра с грустинкой шагает домой:
Вновь от беды никого он не спас.
Ну, а теперь про злодея рассказ.

III глава

В эту чащу нет дороги:
Тут живет свирепый, злой,
Как медведь, в слепой берлоге
Менкв * с свиной головой.

* Менкв (манс.) — злой лесной дух.

Только ночь зарю запрячет
И с небес звезда мигнет —
Из своей берлоги мрачной
Менкв выходит и ревет:
— Эй вы, птицы и зверье!
Прочь с моей дороги!
Берегитесь, кто живет
Близко у берлоги!
Не боюсь я никого,
Лес, как пух, развею.
Человека — и того
В драке одолею.
Вдруг в чащобе замигал
Огонек спокойный.
Будто в пасть воды набрал —
Замолчал разбойник.
Молча кулаки сжимал,
Съежился, как туча.
Озираясь, побежал
Он к сыпучей круче.
Кедрик в это время спал.
И само собою
О беде малыш не знал.
Менкв над ним горою
Встал.
Услышал дальний лес
Крик его ужасный:
— Как ты очутился здесь,
Мальшок несчастный?!
Это мой обрыв и край,

Нет меня могучей.
Даже вещей ворон, знай,
Не кричит над кручей.
Кедрик вздрогнул.
Страх тая,
Отвечать решился:
— Эта круча, зверь, моя,
Я на ней родился.
Менкв от гнева задрожал,
Заскрипел клыками,
А потом захохотал
Над его словами:
— Рассмешил ты, брат, меня,
И за это, слушай,
Так и быть, еще два дня
Поживи на суше.
Спи пока, малыш смешной,
Я пошел к себе домой.

IV глава

За голубикой в лесные поляны
Ёра спешит с туеском берестяным.
Выйдя с тропы на большую дорогу,
Ёра увидел на елке сороку.
— Ёра, я знаю, я знаю: на круче
Кедрик родился, как ежик колючий.
Кедрик, — трещала сорока, — в тревоге.
И рассказала она о берлоге
И о разбойнике Менкве могучем.

— Ёра, не смей появляться на круче.
— В жизни, сорока, хоть раз помолчи ты, —
Голос с тропинки раздался сердитый.
Ёра на голос взглянул удивленно,
Видит: светляк с бороною зеленой
На стрекотунью фонариком машет,
Речь начинает и мудро, и важно:
— Ёра, ты время теряешь напрасно,
Слушать сороку смешно и опасно.
Ёра, нам справиться нужно с бедою,
Тайной одной поделюсь я с тобою.
И в стороне от болтливой сороки
Поговорили они у дороги.

У г л а в а

Ночь. Совиный крик далеко
Слышен рощам и лугам:
Вышел, вышел из берлоги
Самый страшный великан.
Менкв идет к сыпучей круче,
Замер в страхе каждый лист.
Прячутся в еловой гуще
И медведь, и старый лис.
И сороке-стрекотунье
Нынче было не до сна.
В это злое полнолуние
Видеть все она должна.
Схоронясь в кустах колючих,
Что у Менква на пути,

Стала сплетница за кручей
Наблюдение вести.

Смотрит:

там, где даже птица
Не летает, не кричит, —
Будто воин на границе,
Кедрик смело в ночь глядит.
Удивляться бы сороке
Смелости его,
Как снам.
Да не время: на дороге
Показался великан.
Заслонил луну, как туча,
Менкв совиной головой.
Вдруг звездой сверкнул на круче
Огонек один, второй...
Круча, как в грозу, искрится,
Кедрик даже алым стал.
Позабыв о Менкве, птица
В страхе крикнула: «Пожар!»

Долго хвастаться сороке,
Тараторить по лесам:
— Это от меня к берлоге
В страхе мчался великан.
И не будь меня — на круче,
Кедрик бы не жил сейчас.
Мы прервем сороку. Лучше
Сами вновь начнем рассказ.

VI глава

Верить сороке, конечно, не надо.
Вот что случилось той ночью, ребята.
Ёре светляк рассказал, что боится
Грозный разбойник огня, будто птица.
Ёра воскликнул: «Из чащи дремучей
Надо созвать светляков всех на кручу».
С этим счастливым заданием Ёры
Мудрый светляк обежал свои норы.
Ёра отправился к Кедрику. Скоро
Все светляки на яру были в сборе.
Ночь наступила. Округа в тревоге,
Грозно разбойник идет по дороге.
Шлет он угрозы раскатистым басом.
Сотни фонариков вспыхнули разом.
Тут-то злодей и к берлоге помчался.
Весело вслед ему Кедрик смеялся.

VII глава

Много лет прошло с тех пор.
На сыпучей круче,
Кроной радуя простор,
Вырос кедр могучий.

Никакой грозы-беды
Кедр не боится.
Щедро дарит он плоды
Соболям и птицам.

С облаками он ведет
Часто разговоры.
Песни хвойные поет
Он о друге Ёре.

Содержание

Зов	5
Утро	7
Береза и старик	8
«Когда нас посещает озаренье...»	10
«Мечта — стрела на гибком луке...»	11
Земляк	13
Монтажник	14
«Поклоны бьет Конде качалка...»	15
Черный бубен	16
Посадка	17
Рыбак	18
Схватка	19
«Шиповник рдеет на откосе...»	21
«Огневая осень...»	22
Рябина	23
Подорожник	24
Золотой падун	25
«Как ерши, оцетинились пади...»	26
В пути	27
Верстовые столбы	28
«За первый дымок...»	29
«О как дорожу я мгновеньем...»	30
«В твоём окне герань горит...»	31
Цветы	32
«Если сердце обидой ранено...»	33
«Ловлю губами ветер свежий...»	34
«Я годовое выписал кольцо...»	35
«Тайну упавшего дерева...»	36
Сон	38
Соболиная страна	40
Маска язычника	41
Грустные кони	43
Ах	45
«В июле дождь идет зеленый...»	46
«Стою в долине луговой...»	47

Письмо в Сибирь	48
Ответ в Венгрию	50
«Трубят над милым краем трубачи...»	52
Купола Тобольска	53
Рерих	54
Ворон	55
Сын бакенщика	56
Голос стадиона	58
Остров спасения (поэма)	60
Серебряная песня глухаря (стихи для детей)	69
«На озере Мойпыр заря...»	71
Глухарь	73
Рыжая рябинка	74
Волшебство	76
«Погода балует нас в марте...»	77
Первый ручей	78
Грибная тайга	79
Старый кедр	80
После грозы	81
Ёра и Кедрик (поэма)	82

Тарханов А. С.
Т 19 Зеленый дождь. Стихи. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1975.

92 с. с ил.

Новый сборник стихов мансийского поэта.

Т 0742—060
М 158(03)—75

Р 2

Андрей Семенович Тарханов

З е л е н ы й д о ж д ь

Редактор Н. Г. Кузин

Художник В. Ф. Найдено

Художественный редактор

Г. И. Кетов

Технический редактор

Л. М. Голобокова

Корректор Л. А. Гупало

Сдано в набор 7/1 1975 г. Подписано
в печать 29/IV 1975 г. НС 22035.

Бумага тип. № 1. Формат 60×90₃₂.

Уч.-изд. л. 2,3. Усл. печ. л. 2,8.

Тираж 6500. Заказ 19. Цена 24 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

ПРОВЕРЕНО

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач _____

КПК. Зак. 2248. Тир. 80 млн.

248412010

Государственная библиотека Югры

24 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1975

РНФ

Государственная библиотека Югры